

тина [15]. Другие звенья словообразовательной цепочки, в частности многочисленные глагольные дериваты, пока в словарях не представлены.

Выводы.

Таким образом, главными особенностями заимствования и ассимиляции новейшего англицизма пикап со сниженной стилистической окраской являются его возникновение и распространение в сети интернет, «повышение престижа» англоязычного прототипа и улучшение его значения в принимающем языке, а также высокая словообразовательная активность уже на начальном этапе ассимиляции неологизма. Стоит отметить, что данные черты характерны для современного процесса заимствования в целом, в частности на высокую деривационную активность новейших заимствований указывают работы Е. А. Земской, Л. П. Крысина, и Е. В. Мариновой и др. [4], [10], [11].

Литература

1. Гоголев, Л. Д. Автомобили в боевом строю / Л. Д. Гоголев. – М., 1981.
2. Дани, Дж. А. Политтехнолог – это тот же spin doctor? А как будет по-английски фейсконтроль? / Дж. А. Дани // Русский язык за рубежом. – 2007. – №6. – С. 47–50.
3. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М., 2003.
4. Земская, Е. А. Литературная норма и неузальное словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М., 2010.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1992.
6. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М., 2000.
7. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 27–34.
8. Крысин, Л. П. Русское слово: свое и чужое / Л. П. Крысин. – М., 2004.
9. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М., 2008.
10. Крысин, Л. П. О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов / Л. П. Крысин, Ю. Хак Су // Филологические науки. – 1998. – № 3. – С. 15–22.
11. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Маринова. – М., 2008.
12. Панов, М. В. О частях речи в русском языке / М. В. Панов // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 3–14.
13. Панов, М. В. Об аналитических прилагательных в современном русском языке / М. В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971.
14. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М., 2002.
15. Русский орфографический словарь Российской академии наук / отв. ред. В. В. Лопатин. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/>
16. Русский язык конца XX столетия / под ред. Е. А. Земской. – М., 1996.
17. Скляревская, Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – Севл, 2001. – №6. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm>
18. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. И. Петрова. – М., 1949.
19. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / сост. Н. В. Юшмановым. – М., 1933.
20. Словарь иностранных слов / сост. проф. Н. В. Юшмановым. – М., 1937.
21. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.) / под ред. Е. Н. Шагаловой. – М., 2009.
22. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2008.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
24. Тришин, В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS / В. Н. Тришин. – URL: <http://dic.academic.ru/>
25. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М., 1977.
26. Эпштейн, М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания / М. Эпштейн // Знамя. – 2006. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2006/1/ep13.html>
27. Benigni, V. Il russo in movimento. Un'indagine sociolinguistica / V. Benigni, C. Lasorsa Siedina. – Bulzoni, 2002.
28. Collins English Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
29. Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary – URL: <http://www.learnersdictionary.com/>

УДК 81'342

Г. В. Судakov

Вологодский государственный университет

ОТ «ПАРИЖСКОГО СЛОВАРЯ МОСКОВИТОВ» ДО «СЛОВАРЯ ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XV–XVII ВЕКОВ» (ЭВОЛЮЦИЯ ЛАРИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Концепцию исторического словаря русского языка Б.А. Ларин стал обдумывать в период изучения Парижского словаря москвитов 1586 года. В статье оценивается структура данного словаря, а также проект «Древнерусского словаря» и последующих лексикографических планов ученого, делается анализ первых томов «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков», создаваемого в соответствии с концепцией Б. А. Ларина.

Историческая лексикография, концепция словаря, исторический словарь русского языка.

B. Larin began to think over the concept of the historic dictionary of the Russian language during his studying «Paris dictionary of moscovites» in 1565. The article deals with the structure of the dictionary, as well as with the project of the Ancient Russian dictionary and the following lexicography plans of the scientist. The analysis of the first volumes of Dictionary of colloquial Russian language of Moscow Russia of the XVth–XVIIth centuries is made, created in accordance with the concept of B.A Larin.

The historic lexicography, the concept of the dictionary, the historic dictionary of the Russian language.

Введение.

«Парижский словарь московитов» впервые был издан еще в 1905 г., но его издатель – француз Поль Буайе – перепутал место составления словаря (это были Холмогоры, а не Париж; с легкой руки П. Буайе словарь стали называть *Парижский* словарь московитов) и фамилию составителя (это был капитан Жан Соваж, а не космограф Андре Тэве). Издание П. Буайе, как показала проведенная Б. А. Лариным сверка с ротокопией рукописного оригинала, имело много неверно прочитанных мест и отступлений от самой рукописи.

«Парижский словарь московитов», по мнению Ларина, – самый ранний источник значительного объема по русскому разговорному языку. Б. А. Ларин чрезвычайно высоко оценивал лингвистическую содержательность «Парижского словаря московитов» [7, с. 7], хотя словарь содержит всего 621 двуязычную словарную строку или «статью». Именно с анализа и оценок этого словаря начинаются размышления ученого о концепции исторического словаря русского языка.

Кстати, сейчас ситуация с изданием лексикографических источников периода Московской Руси уже изменилась: в 1992 г. в Кракове издан разговорник Томаса Шрове 1546 г. (его и можно считать самым ранним разговорником), в 1994 г. был издан за рубежом русско-немецкий разговорник 1568 г. Теперь издано уже 9 разговорников, относящихся к русскому средневековью, но начиналось все с «Парижского словаря московитов», оцененного и изданного Б. А. Лариным. Иностранцы издания разговорников хорошо было бы переиздать в одной отдельной книге, добавив к ним рукописные «Номенкляторы» Копиевского (хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве).

Изучать словарь ученый начал в 1934 г. и в 1936 г. издал статью, в которой восстановил историю текста и с помощью фонетического и лексикологического анализа определил главный источник этого текста – холмогорский говор [4]. Через двенадцать лет, в 1948 г. памятник был издан в Риге отдельной книгой, в которой воспроизведен текст и выполнен обширный лингвистический комментарий [5]. Приведя в конце книги четыре таблицы (воспроизведение ротокопий четырех листов рукописи), исследователь признается: «Все таблицы представляют увеличенное в полтора раза воспроизведение ротокопий указанных листов. Даны здесь только четыре наиболее четких страницы рукописи, так как остальные нельзя было предложить читателям из-за полной неразборчивости мелкого почерка даже при полторном увеличении» [4, с. 213]. Это приложение дает

возможность понять, какой большой труд провел исследователь для расшифровки текста.

В 2002 г. Словарь вошел в отдельную книгу наряду с Русско-английским словарем Ричарда Джемса и Русской грамматикой Генриха Лудольфа [7]. В этом издании упомянутые таблицы, воспроизводящие ротокопии, даны в натуральную величину и на светлом фоне, что позволяет представить реальный вид рукописи и показывает ее полную нечитаемость без использования технических средств.

Готовившие переиздание 2002 г. сотрудники (И. С. Лутовинова, Д. М. Поцепня) сообщают, что при подготовке книги «были выявлены и исправлены редколлегией замеченные погрешности и опечатки» [7, с. 4]. Протицируем одно пояснение, сделанное издателями при подготовке издания 2002 года: «При подготовке переиздания была учтена вся правка, сделанная Б. А. Лариным при жизни в уже вышедшем издании. Уточнения и дополнительные сведения, внесенные редколлегией, заключены в квадратные скобки» [7, с. 23]. По словам И. С. Лутовиновой – ученицы Б. А. Ларина – просьба подготовить словарь к переизданию исходила от самого Бориса Александровича, он же сообщил, что его правка содержится в нескольких печатных экземплярах словаря, но не указал, который экземпляр брать за основу.

Основная часть.

Анализируемый нами источник – экземпляр издания словаря 1948 года (передан мною в межфакультетский словарный кабинет им. Б. А. Ларина, Санкт-Петербургский госуниверситет). На титульном листе этого экземпляра чернилами написано: «В б-ку Ин-та им. Потемкина. Б. Ларин» (в этом институте Б. А. Ларин некоторое время работал). Подтверждением былой принадлежности этого экземпляра Б. А. Ларину являются многочисленные правки и замечания, сделанные самим автором и воспроизводящие его почерк. Правка сделана остро отточенным карандашом, почерк везде хорошо читается. Практически все правки в нашем экземпляре попали и в издание 2002 г.

Рассмотрим некоторые исправления и дополнения, чтобы понять смысл авторской правки. Вся правка (исправления, дополнения, редактирование текста) касается раздела «комментарий», который является в большей части историколексикологическим исследованием.

При переиздании в 2002 г. менялась пунктуация в сторону ее современных норм. Также устранялись авторские ошибки в начертании латинских букв, например, вместо *u~y* находим *v~y*.

Много исправлений во втором разделе «Текст и комментарий». Во-первых, добавляются упущенные буквы или заменяются отдельные буквы. Часто добавляется упущенный *ь* в конце слов. Но есть и случаи замены *ь* на *ъ*: стр. 67 – было *слъзами*; здесь Б. А. Ларин взял цитату из Григория Назианзина по Срезневскому, где именно *ъ* (ер); он исправил на *ь* (ерь), но в этом случае издатели *ь* заменили на *ять* [7, с. 65], что вызывает недоумение. Приведем еще несколько примеров, где в переиздании правка Ларина не учтена. На стр. 67 Ларин в слове *ночь* производит замену на *нощъ*, но в издании 2002 г. *нощ* [7, с. 67]. На стр. 70 в цитате из Сказания Авраамия Палицына (строка 5 снизу), на наш взгляд, при переиздании допущена ошибка. В издании 1948 г было «Гордящеся въ безумии Рострига...», в нашем экземпляре после *гордящеся* Борис Александрович вписал *же*: «Гордящеся же въ безумии Рострига...»; в переиздании 2002 г (стр. 67) получилось: «гордяжеся», т. е. выпал слог *це*, а частица *же* включена в состав слова. В строчке 262 Ларин исправил вариант *зеленник* на *зелейник*, но в переиздании стало *зеленик*. Судя по нашему экземпляру, в строчке 270 слово *феткинский* Ларин исправил на *Феткинской*, в переиздании остался первоначальный вариант.

Во-вторых, автор добавлял пропущенные первоначально слова в цитатах из памятников: *государю* (стр. 64); *перестелу. постелу* (стр. 67). Комментируя слово *молодец* в строке 33 Словаря, исследователь добавляет указание еще на 4 источника, где зафиксировано это слово: Пов. о Г. З.; ДАИ X. 149; Дон. д. V. 25; Аз. пов. 63, 115, 186 и др. В переиздании указание на эти четыре источника отсутствуют.

Третий тип правки, вносимой Б. А. Лариным – это редакционная работа: изменение порядка слов, сокращение текста, внесение дополнительных данных и т. п. Так, фактически переписан комментарий к строчкам 100 и 101, 159. Особенно ученый стремился быть точным в цитировании источников: это касается исправления букв, цифровых обозначений, восстановления пропущенных слов.

Наиболее интересна в комментариях лексикологическая часть, причем замечания Б. А. Ларина сохраняют свое значение до сих пор. Отметим этюды по истории названий посуды и кухонных принадлежностей (*фляга – фляжка* в строках 230, 537–538; *квашина – строка 257а, сковорода – строка 534, решетка – строка 535, уполовник – строка 536, кубышка – строка 539, мутовка – строка 258*), названия пряностей (*перец, корица, имбер, мускат, гвоздика, шафран – строки 332–335, 337, 339*), столовых приборов (строка 529), история слов *пирог и пше-но* (строки 403, 502–503), названия предметов гигиены (*утиральник – строка 100, рукомойник – строка 530*). До Ларина никто не занимался названиями постельных принадлежностей (*пастеля – строка 32, наволока – строка 134*). Дается краткий, но точный комментарий названий игр (*карты, зернь, тавлеи – строки 309–311*).

Из заметок Б. А. Ларина становится понятным характер личных отношений древних русичей (слова *друг* и *подруга* употребляются чаще с определением

милой – милая). Вообще речевой этикет в Словаре москвитов расписан подробно и учитывает разные ситуации общения. Повседневная жизнь русича с помощью 621 словарной строки и комментариев Б. А. Ларина представлена настолько кропотливо, что дело даже дошло до особенностей устройства туалета на крыльце русской избы (строка 35). Кстати, в большой словарной статье на слово *Выход* в СОРЯ [12, 3, с. 295–297] не выделено значение «отхожее место».

Работа Б. А. Ларина над Словарем москвитов и другими иностранными источниками по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. сильно повлияла на создание им проекта «Древнерусского словаря» и на содержание концепции «Словаря обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков».

Надо иметь в виду, что в ту пору, когда Ларин задумывал «Древнерусский словарь», имелись только «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, которые критически оценивались его издателями. В феврале 1887 г. Ягич, которому было поручено редактировать этот труд, писал Шахматову: «Я теперь получаю корректуры «Материалов для древнерусского языка И. И. Срезневского и убеждаюсь в их сравнительной бесполезности» [9, с. 61]. Мысль об историческом словаре лелеял тогда, в конце XIX в., и А. А. Шахматов. Идея исторического словаря окончилась у него сбором предварительных материалов, которые хранятся в ф. 134 Архива РАН. Первый том «Материалов для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г. уже после смерти составителя, а с 1889 по 1911 гг. «Материалы...» издавались под наблюдением как раз А. А. Шахматова.

Задуманный Б. А. Лариным «Словарь обиходного русского языка» (СОРЯ) привлекателен по целому ряду обстоятельств, но иногда эти же обстоятельства создают целый ряд проблем. В отличие от «Словаря русского языка XI–XIV вв.» СОРЯ – словарь более позднего исторического периода. В отличие от «Словаря русского языка XI – XVII вв.», в картотеке которого учитываются памятники всех типов и жанров русского языка, в СОРЯ сделан выбор в пользу памятников, отражающих особенности разговорной речи периода Московской Руси.

1. Еще в 1936 г. в «Проекте древнерусского словаря» ученый сформулировал три главных задачи, которые нужно решить при создании ДРС: «русский язык XV–XVIII вв. не представлял единой системы, одного языка, ... было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов... Первым и важнейшим отличием ДРС и будет расширение этих узких рамок, включение новых и нового рода материалов» [6, с. 118]. Предусматривалось широкое привлечение деловых текстов: как официально-деловых, так и частно-деловых. Кроме этого в списке источников появляются частная переписка; переводные тексты; повести XVII в., в том числе демократическая сатира; фольклор, включая пословицы; записи разговорной речи, сделанные иностранцами, которые особо выделял Б. А. Ларин [См.: 1, с. 8].

Именно эти источники и используют составители СОРЯ.

Однако выразим сомнение по поводу включения в список источников «Сказания Авраамия Палицына» или «Посланий Ивана Грозного». Эти тексты отличаются особой архаичностью языка, вряд ли для Авраамия Палицына и Ивана Грозного это был обиходный повседневный язык. Официально-деловые памятники центральных канцелярий (судебные кодексы, Уложение 1649 г., царские грамоты и пр.) также подвергнуты сплошному расписыванию, но являются ли штампы письменной деловой речи (а они в XVI–XVII вв. многочисленны) фактами обиходного языка?

2. Далее Б. А. Ларин замечает: «Вторая особенность нашего словаря, прямое следствие первой, – дифференцировка языкового материала по социально-стилистическим признакам посредством особых помет» [6, с. 119]. В СОРЯ эта идея реализуется в полной мере; в соответствии с Инструкцией используются две серии помет: функционально-стилистические (деловое, книжно-церковное, высокое-официальное, фольклорное) и эмоционально-экспрессивные (ласковое, уважительное, пренебрежительное, уничижительное, ироническое, бранное). Вообще цитатный материал в СОРЯ обилён: дается не менее 2–3 цитат на каждое значение, оттенок, устойчивое сочетание. Примеры содержат сведения о времени употребления слова, о распространении его на территории Московской Руси, о сфере использования слова. Введена даже помета о количестве цитат в картотеке на каждое слово [1, с. 16]. Словарная статья СОРЯ приближается к лексикологическому этюду, что, наверняка, одобрил бы Б. А. Ларин.

В свое время Л. В. Щерба – учитель Б. А. Ларина – сформулировал следующий совет составителю словаря: «не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров»; в исторических словарях «исчерпывающее обилие цитат является единственным выходом из положения, нет необходимости приводить однообразные цитаты; но исчерпать их разнообразие совершенно необходимо» [16, с. 285]. По обилию иллюстративного материала СОРЯ близок к требованиям Л. В. Щербы. Вспомним, что полномасштабные требования к цитированию реализуются, например, в «Словаре русского языка XVIII века», подробно аргументируются в проекте «Словаря русского языка XIX века».

3. Третья новая задача, формулируемая вдохновителем проекта, – «расширить и пополнить узкофилологическую обработку материала ... экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства, общественного строя и истории мировоззрений русского средневековья» [6, с. 120]. В толкование исторического слова в СОРЯ разумно включаются некоторые сведения энциклопедического характера.

Но учитель шел дальше: «Для некоторых идей и представлений, связанных со словами, зрительный образ вещи является их основным, бесспорным или даже единственным содержанием. Таковы, например, представления из области материальной куль-

туры (об одежде, утвари, орудиях производства)» [6, с. 122]. В связи с этим было предложено ввести в некоторые словарные статьи рисунки, изображения вещей из лицевых рукописей, с икон, фотографии предметов из исторических и этнографических музеев (в проект был включен специальный раздел «Несколько положений об иллюстрациях Древнерусского словаря», где речь шла не о текстовых цитатах, а именно об иллюстративном материале). Слабая попытка такого рода по моему предложению была осуществлена в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», где на форзаце нескольких выпусков были приведены копии страниц букваря Кариона Истомина конца XVII в. – первой русской учебной иллюстрированной книги.

Приведем один пример, связанный с СОРЯ. Читатель словаря имеет право знать (особенно если толкование значения выходит за содержательные границы иллюстрации), на чем основываются семантические рассуждения составителя словаря. Скажем, слово **алебарда** объясняется как «оружие в виде насаженного на древко фигурного топорика» [12, 1, с. 43], хотя ни в одной из двух цитат, помещенных в словарной статье, нет и намека на описание алебарды. Понятно, что с помощью исторических исследований, описаний музейных коллекций составить представление об алебарде несложно. Важно лишь одно, чтобы это описание алебарды относилось именно к той эпохе, языку которой посвящен словарь.

4. Скажем несколько слов о термине *обиходный язык*. В Инструкции есть такое определение: «... в заглавии Словаря термин *обиходный* имеет значение «применяемый в повседневной жизни людей Московской Руси». В это понятие входит и домашний быт, и трудовая деятельность, и разнообразные взаимоотношения людей, их чувства и переживания, их обязанности в отношении государства, привычные религиозные обряды и т. д.» [1, с. 6]. Напомним, что по поводу обиходных слов есть пояснение в вводных лекциях Ларина к спецсеминару 1962 г.: «слова обиходные, связанные с бытом, торговлей и производством, а не с религией и философией» [6, с. 17]. Автор данной статьи тоже ломал копы по поводу термина *обиходный язык*, но, поняв, что СОРЯ – это прежде всего словарь группы памятников, близких к разговорной речи, а затем уже словарь, демонстрирующий обиходный язык, положительно оценил стратегию словарного коллектива.

5. Б. А. Ларин планировал включать в Словарь только «наддиалектное» разговорное, но не объяснил принципы выбора «наддиалектного». Иронически заметим, что авторы СОРЯ, по-видимому, считают общерусской всю региональную деловую письменность Московского государства XVI–XVII вв., учтенную в «Псковском областном словаре», «Словаре пермских памятников», «Словаре народно-диалектной речи Сибири» и других исторических словарях регионального характера, причем «материалы из региональных исторических словарей вводятся в СОРЯ в полном объеме» [1, с. 9].

6. Самое уязвимое место исторических словарей – это семантическая недостаточность иллюстрации, «пустота» контекста. Как решена эта проблема в «СОРЯ»?

В выпуске 5 читаем «... Лодка двоебойница. Судно с увеличенной на две доски высотой бортов. Делал мастер лотку двоебойницу. Дал от дела осмь алтын. *Сл. промысл. 11, 174. 1559 г.* [12, 5, с. 75]. В Словаре промысловой лексики, к которому отсылает нас автор словарной статьи, написано: «Лотка двоебойница. Судно с двойными набивными бортами» [11, 2, с. 174]. Цитата приведена та же. Но из этой иллюстрации никак не вывести ни то, ни другое значение.

В СОРЯ-5 разъясняется значение слова деланка «шерстяная понева с клетками из нитей другого цвета» (стр. 112). Цитата и толкование взяты из книги: [15, с. 90]. Но и В. И. Хитрова не объясняет, какой цвет имели деланки и по отношению к чему у деланки нити другого цвета.

Как поступить в таком случае? Добросовестность требует поставить после цитаты в скобках знак вопроса, т. е. показать свое сомнение в правильности толкования значения, а также дать отсылку к определенному источнику. В выпуске 5 уже находим такие разъясняющие отсылки: *говорить дворкою* «шутить, прибегая к иносказаниям» (дается отсылка к [13, 7, с. 299]; *долгари «сапоги для рыбаков с высокими голенищами»* (см. отсылку к [13, 8, с. 105]. Можно одобрить такой вариант.

Как можно судить по цитатному материалу, авторы анализируемого словаря очень дорожат примерами, в которых приводится толкование слова, дается синоним, описывается внешний вид предмета или объясняется его функция, назначение. Например: *Академии, то есть книжные училища; Алекъ, тожъ сургуль сльветъ*. Но при единичных фиксациях слова встречаем произвольные и сомнительные толкования значения. Например, **абым**, союз. *То же, что абы.* [12, 1, с. 35]. Цитата следующая: Ксендзь Воевоцкий принес до мене абым въ него купить мунстранцю. *Сл. Смол., 22. 1668 г.* Судя по контексту, **абым** – какая-то вещь, предмет, для которого можно купить мунстранцю. Кстати, вряд ли *абым* и *мунстранця* – обиходные русские слова?

Отмечаются случаи, когда не весь цитатный материал используется для толкования семантики слова. Например, **алтабас** поясняется как «персидская парчовая ткань, шитая волоченым золотом». Действительно, приведенные примеры подтверждают это значение. Но есть и такой пример в словарной статье: *дача его въ 103 году ризы алтабась серебрянь* [12, с. 46]. Значит, алтабасы шили и серебром.

Непоследовательно выделяется в словарной статье фразеология даже при наличии соответствующего цитатного материала. Так, в иллюстрациях к слову **амбар** встречаем составные названия **засевальной амбар**, **крутильной амбар**, на которые не обратили внимание составители. В статье **Аршинный** не выделен фразеологизм **аршинный счет**, хотя выражение есть в иллюстрациях данной статьи.

Рассмотрим еще одну словарную статью из выпуска 5 СОР. Прилагательное **двоеморхий** – **двоеморховый** (*двоемохрой*) определяется как род бархата: «негладкий, рельефный, с вытисненным узором; рытый» [12, с. 76–77]. В СОРЯ приводится 6 цитат со словом **двоеморхий** – **двоеморховый**, ни одна из них не проясняет значения этого слова. В СлРЯ XXI–XVII вв сказано: *морхъ* – «ворс на бархате и других тканях» [9, с. 269]. Но на что указывает первый корень *двое*? Составители СлРЯ XXI–XVII вв в свое время решили, что **двоеморхий** – «имеющий двойной ворс (о бархате)» [4, с. 186]. Почему составители «Словаря обиходного языка...» отказались от такого определения?

Иногда иллюстрации только фиксируют графический облик слова, его грамматические свойства и потенцию к сочетаемости, поэтому авторы словарных статей толкование семантики берут из другого источника. Так, составители СОРЯ иногда приводят этимологии заимствованных слов и (в случае недостаточной содержательности иллюстраций) ориентируются на семантику соответствующих иноязычных лексем.

Выводы.

Б. А. Ларин превосходно знал разговорную речь Московской Руси, понимал ценность письменных источников, отражающих разнообразие бытовых ситуаций: словарей, разговорников, грамматик. Реализуемый по его проекту СОРЯ – это исторический словарь принципиально нового типа, ориентированный на язык повседневного общения, полно представляющий семантическую структуру и функционально-стилистический спектр слова, показывающий слово в ряду семантически подобных и содержащий энциклопедическую справку об объекте номинации.

Литература

1. Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуца. – СПб., 2011. – С. 5–43.
2. Ларин, Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин // Вопросы теории и истории языка. – СПб., – 1993. – С. 5–9.
3. Ларин, Б. А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 11–43.
4. Ларин, Б. А. Парижский словарь русского языка 1586 г / Б. А. Ларин // Советское языкознание. Т. 2. – Л., 1936. – С. 65–90.
5. Ларин, Б. А. Парижский словарь московитов 1586 г. / Б. А. Ларин. – Рига, 1948.
6. Ларин, Б. А. Проект Древнерусского словаря / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 114–124.
7. Ларин Б. А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка // Б. А. Ларин. – Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – СПб., 2002. – С. 7–20.
8. Ларин, Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Б. А. Ларин // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л., 1961. – С. 22–34.

9. Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881 – 1894) // А. А. Шахматов. 1864 – 1920: Сб. статей и материалов. – М.; Л., 1947. – С. 13–104.
10. Проект обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. – СПб., 2000.
11. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV – XVII вв. Вып. 1–2. – СПб., 2003, 2005.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. – Вып. 1–6. – СПб., 2004–2014.
13. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. – М.; Л. – 1965.

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1. – М., 1975 (издание продолжается).
15. Хитрова, В. И. Русская историческая и диалектная лексикология / В. И. Хитрова. – М., 1987.
16. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.
17. Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XYI Jahrhundert / Hrsg. Von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien; 1994 [1568 г.]
18. Oprac, A. «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. / A. Oprac, H. Bolek, A. Chodurska, Falowski, J. Kuninska. – Krakow, 1997 [1546 г.].

УДК 82-31 (17.82.31)

А. В. Федорова

Вологодский государственный университет

ПАМЯТЬ СЕРДЦА: ПРОЗА НАТАЛЬИ МЕЛЁХИНОЙ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)*

В статье предлагается анализ основных тем, мотивов и образов в произведениях вологодской писательницы Натальи Мелёхиной в контексте традиций «деревенской прозы» XX века. Рассматриваются особенности сельского хронотопа, образы персонажей, предметный мир рассказов и миниатюр, поэтика их заглавий и некоторые специфические черты авторского стиля. Делается акцент на интертекстуальных связях ее прозы с произведениями классической русской и зарубежной литературы.

Деревенская проза, мотив, предметный мир, интертекст.

The article presents an analysis of the main themes, motives and images in the works of Vologda writer, Natalya Melyohina in the context of the traditions of "rural prose" of the twentieth century. The peculiarities of the rural chronotope, the characters' images, the objective world of stories and miniatures, and the poetics of their titles and some specific features of the author's style are described. The intertextual relationships of her prose with the works of classical Russian and foreign literature are emphasized.

Rural prose, motive, objective world, intertext.

Введение.

Когда говорят о вологодской литературе, ее ассоциируют прежде всего с «деревенской» темой. Читатель, ориентирующийся на имена таких писателей-земляков, как В. Белов и А. Яшин, ожидает, что начатый ими разговор о судьбах северной деревни будет продолжен и в новом столетии. В этом отношении важным событием в литературной жизни Вологодской области стали публикации рассказов Натальи Мелёхиной.

На сегодняшний день Наталья Мелёхина – автор трех прозаических сборников: «Медведь с заплатой на ухе» (Вологда, 2012), «Забывай как звали» (Вологда, 2013) и «По заявкам сельчан» (электронная версия в рамках проекта «Том писателя», 2015). Кроме того, Мелёхина довольно активно публикуется на сайте «Проза.ру», где представлены произведения, не вошедшие в сборники. Совсем недавно, в августе 2015 года, писательница стала обладателем федерального гранта для издания книги о вологодской деревне. Сборник «Медведь с заплатой на ухе» в 2012 году получил награду «За лучший дебют» в конкурсе «Вологодская книга года». В 2014 году

рассказ «По заявкам сельчан» занял I место в номинации «Проза» журнала «Дружба народов».

Основная часть.

Слово «память» и производные от него едва ли не самые частотные в языке писательницы. Батюшковский мотив «памяти сердца» («Мой гений», 1816) определяет идейную структуру большинства произведений: рассказов «Древо жизни», «Все перемелется», «Сердце без лапок», «Яша и Маша», «По заявкам сельчан» и цикла миниатюр «Дорогие вещи». По мнению Мелёхиной, он предельно акцентирован в творчестве большинства современных поэтов и писателей-вологжан: «все они обладают <...> особой созерцательностью <...>. Той самой «памятью сердца»» [5]. Рассуждая о вологодских поэтах начала XXI века (Лета Югай, Антон Чёрный, Ната Сучкова), она отмечает общий для этих авторов «момент определенной ностальгии – по уходящему образу жизни, по провинциальной культуре, по традиционному самосознанию русского человека» [4].

Главной темой ее творчества является жизнь современной вологодской деревни. Однако эта тема не может быть рассмотрена как дань литературной моде